

ЖЕНЩИНЫ В БИБЛЕЙСКОЙ И АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРАХ

Проводится сравнительный анализ статуса и образа женщины в античной и библейской культурах. Сопоставляются представления об идеальных чертах женщин, взаимоотношения женщин с Богом, своеобразии супружеских отношений, любовь и чувственность, возможности социального служения. Анализируется новый образ женщин в Новом Завете.

Ключевые слова: женщина Древней Греции и Библии; положение; идеал; супружество.

Статус женщины, ее положение в обществе, составляет среди прочих элементов культурный код той или иной цивилизации. Положение женщины определяет характер взаимоотношения между полами, модель супружества, крепость брачных уз, качество семейных отношений. Не исключено, что эта модель сказывается на жизнестойкости культуры. Для сравнительного анализа статуса эллинки и иудейки в статье используются материалы Ветхого и Нового Заветов, с одной стороны, мифологические, литературные и философские произведения Древней Греции – с другой.

Происхождение полов. В греческой мифологии акту происхождения людей и тем более полов не уделяется особого внимания, об этом пишется обыденно: боги-олимпийцы создали людей. От золотого к железному веку порода людей портилась, и жизнь их становилась все более безрадостной. После потопа, в котором, согласно греческому мифу, спаслись Девкалион и Пирра, уцелевшая чета восстанавливает человеческий род из камней: из брошенных Девкалионом камней появлялись мужчины, Пиррой – женщины. Симметрия полов в момент их сотворения ни в чем не нарушалась.

В диалоге Платона «Пир» есть басня, или притча, вложенная в уста Аристофана, предлагающая еще одну греческую версию происхождения полов [1. С. 98–100]. Согласно ей мужчина и женщина произошли от разделения двуполого чудовища андрогин. Зевс разрубил их, чтобы умерить силу представляющих угрозу для богов чудовищ. Человек изначально, пока он не найдет свою половину, ущербен. Пол появляется как половина целого, и нет намека на неполноценность какой-либо половины.

В Ветхом Завете особо утверждается равенство двух начал. Бог сотворил мужчину и женщину как носителей его образа: «И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Бытие, 1, 27).

Мужчина и женщины задуманы как два равных и созданных друг для друга начала, которые составляют вместе одно. В этом и Ветхий Завет, и греческая мифология единогласны. Но обратим внимание на нюансы. Если в Библии человек творится из божественной любви, а женщина – из сочувствия к человеку, которому плохо быть одному, то в «Пире», в изложении Аристофана, пол появляется как результат гнева и страха богов. И сама процедура создания пола в результате раздиранья, разрубания – кровавая, болезненная – вполне согласуется с утвердившимся духом взаимоотношения полов в греческой культуре, для которого, как мы увидим, было характерно неравенством и подавлением.

Оценка женщины. К классическому периоду в греческой культуре утвердилась женофобия, на практике она проявилась в полном подчинении женщины

мужчине. Греки относились к женщине презрительно и считали ее существом неполноценным, более низким, находящимся на полпути между человеком (т.е. мужчиной) и животным или рабом, каковой тоже рассматривался как скот. Подобные оценки утверждались в медицинской, философской, художественной литературе: в работах Гесиода, Гиппократ, Аристотеля, Платона Аристофана, Семонида Аморгосского. Чего стоит, например, пассаж о женщинах из «Законов» Платона, желавшего в своем идеальном государстве устроить общие трапезы (сисситии), и для женщин в том числе, и весьма сомневавшегося в успехе этого предприятия: «Как же не возбудит смеха чья-нибудь попытка на самом деле заставить женщин на людях, у всех на виду принимать пищу и питье? Ведь нет ничего, к чему женский пол относился бы с большим отвращением, чем к этому. Женщины привыкли жить, укрывшись в тени, если насильно вытащить их на свет, они станут оказывать всякое сопротивление и победят законодателя» [2. С. 532]. Трудно понять чего здесь больше: презрения или искреннего изумления перед несовершенной женской природой. В глазах Платона женщина выглядит таким пугливым зверьком среди людей-мужчин. И эта не самая уничижительная характеристика женщин. В том, что женская природа хуже мужской, что женский пол уродился «слабым, скрытным, лукавым», Платон не сомневается, как не сомневался в этом и Аристотель [3. С. 377]. Семонид Аморгосский, пожалуй, превзошел всех, утверждая, что женщина – существо, напичканное пороками и не имеющее души [4. С. 419–422]. Рефреном в его произведении звучат слова: «Зло величайшее Зевс в женщинах явил!» Женские пороки, они же и ее типичные черты, – это, по мнению мужчин, прожорливость, трусость, слабость, изнеженность, лень, похотливость, ненасытность «в делах Афродиты».

Такой взгляд на женщину недопустим в иудейской традиции. Утверждать подобное – значило бы хулить образ Божий в женщине. В Ветхом Завете нет унижающих женщину пассажей. Хотя женщина стала причиной вселенской катастрофы и Господь отдает ее во власть мужчине в качестве наказания, но тем самым признается еще раз изначальное равенство мужчины и женщины. После грехопадения долгое время в Ветхом Завете почти не встречается женских образов. Даже детородная функция была как бы узурпирована мужчинами: «Енох родил Мафусаила, Мафусаил родил Ламеха, Ламех родил Ноя» и т.д. После Ноя вообще исчезает упоминание о женщинах, как будто они не рождались вовсе (Бытие, 10). И так до Авраама и Нахора. И вот, после долгого периода пренебрежения женщиной вдруг рядом с праведником Авраамом появляется его прекрасная жена, праведница прапраматерь Сара – это первая женщина, которой Библия уделяет очень

много внимания. Она появляется во всей полноте своей силы, влияния, способная проводить свою волю, подчинив ей мужа. Господь как будто простил женщину, сменил гнев на милость, и позволил ей воспрянуть.

Место женщины в обществе. В греческом обществе женщины занимали весьма низкое положение. Они не имели избирательных и экономических прав. Женщинам не разрешалось наследовать собственность или обладать ею. Они не могли делать покупки, стоимость которых превышала определенную сумму. Не могли защищать себя в суде. В греческой семье мужчина абсолютно доминировал. В течение всей своей жизни женщина подчинялась родственникам по мужской линии: сначала отцу, затем мужу, брату или сыну. Женщина была затворницей гинекея – женской половины древнегреческого дома. Она могла участвовать только в официальных обрядах и семейных праздниках.

Иудейка обладала большими правами по сравнению с эллинкой. Дочери имели право наследования при отсутствии сыновей (Числа, 27, 8). К женщине относились уважительно. Судя по ветхозаветным супружеским союзам, жена имела право голоса в семье, и порой этот голос звучал очень властно. Так, Сара заставила Авраама прогнать наложницу Агарь с первенцем Авраама Измаилом. Ревекка сделала невозможное: вопреки воле мужа, обманув его, хитростью передала право первородства своему любимому сыну Иакову. В реальной иудейской истории замысел Бога о женщине как будто искажается. Женщина теряет ряд позиций. Как и элинка, иудейка не могли выбирать мужа, инициировать развод, не выполняла никакого социального служения. У иудеев прижился институт многоженства и наложничества, который отрицательно сказался на положении женщины. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что Лаван ставит перед Иаковым условие: не брать жен сверх своих дочерей (Бытие, 80, 81).

Если говорить об элинках, то шанс остаться в истории был только у гетер. Имена и истории, связанные со знаменитыми гетерами, и обрывки стихов Сапфо – вот все, что осталось от реально существующих в Древней Греции женщин. Скудость исторических свидетельств о женщинах является полной противоположностью реальности греческих мифов. В мифах действуют яркие полнокровные блистательные женские образы: Елена, Пенелопа, пророчица Кассандра, волшебница Медея, девушки-жертвенницы Ифигения, Макария, верная родовой морали и дочернему долгу Антигона. Это представляет собой некую загадку. Возможно, контраст объясняется тем, что мифы складывались в более раннюю эпоху, когда женщина занимала более достойное положение. Полной противоположностью анонимным и приниженным реально существующим элинкам являются женщины-богини – мудрые, властные красавицы Гера, Афродита, Афина. Греческие мужчины соглашались чтить женщин только в облике чудесных богинь. Пренебрежительное отношение к божествам женского рода отсутствует. При этом исследователи отмечают, что доля женщин-богинь в греческом пантеоне достигает рекордного числа по сравнению с другими языческими народами [5. С. 14]

В Ветхом Завете встречаются женщины-судьи, царицы и пророчицы. Но из «успешных», как бы мы сей-

час сказали, женщин на пути этого служения можно назвать только одну – Девору – судью, пророчицу, поэтессу (Судей, 4). Опыт остальных женщин Ветхим Заветом признан, как нам кажется, неудачным.

Самый мрачный женский персонаж Ветхого Завета – Гофолия. Мать Охозии после смерти сына истребила все царское племя и царствовала над Иудеей. Она была убита в результате заговора священника Иодая своими телохранителями. Карьера царицы ей не удалась. Пророчица Мариам, сестра Моисея, не прочь была помериться силами с самим Моисеем, считая, что и ее устами может говорить Господь. Но Библия посрамляет Мариам, осаждает ее амбиции. Она хоть и названа пророчицей, но ничего не пророчествовала, более того, выказала недопустимую для пророчицы близорукость. Ее бунт против Моисея закончился наказанием в виде проказы (Числа, 12). Таким образом, Ветхий Завет не очень-то приветствует ситуацию, когда женщина выходит за рамки своего служения как супруга и как мать.

Бог и женщины. Особая страница – взаимоотношение женщин с божеством. И у греков, и у иудеев женщина не обладает равными с мужчиной возможностями общения с божеством.

Как указал П. Брюле, женщина у греков служит весьма специфическим средством доступа к богам. Грек рассуждал так: женщины более низки, дики и необузданны. Язык их религиозных ритуалов – варварский, дикий, жестокий, это язык необузданных вакханалий, погруженной в транс пифии. Но этот язык особенный, его лучше слышит Бог. Женщина как главный элемент ритуала – лишь орудие, которое служит мужчине в политических целях – помогает сохранять государство [5. С. 37]. Женщины участвовали в культе Деметры. Исключительной прерогативой женщин являлся экстатический культ Диониса, в котором раз в год участвовали не только жены свободных граждан, но и чужестранки, рабыни. Женщины были также пифиями – прорицательницами.

Замужняя иудейка также не могла во всей полноте представлять за себя перед Богом. Обеты женщины Богу при неодобрении их мужем или отцом считались «недействительными» (Числа, 3–17, 30).

Идеальная женщина. Если задаться целью и обрисовать идеал женщины в иудейской и греческой культурах, то сразу являются два образа: праматерь Сара и прекрасная Елена. Эпитеты, которыми наделяется каждая из них – «праматерь» и «прекрасная» – говорят сами за себя, свидетельствуя о том, что ценила и та и другая культура в женщинах. В иудаизме это исполнение обязанности матери и супруги, а в Греции – услаждение мужчины.

Но и Сара красива, она праведна, верна мужу. Надо признать, что Сара даже управляет мужем, хотя готова идти на жертвы ради него. Авраам против ее воли ничего не делает, напротив, слушается её во всём. Ведь сам Господь говорит Аврааму: «Во всём, что скажет тебе Сара, слушайся голоса её» (Бытие, 21, 12). Порой мягкий, любящий Авраам производит впечатление подкаблучника. Правда, один раз Авраам все же не то что ослушался Сары, а скрыл от нее свое намерение – тайком увел Исаака для жертвоприношения. В отношении с Богом женщина не должна вмешиваться.

Елена прекрасная – это женщина-приз, которая как награда переходит от одного мужчины к другому. Еще прежде Париса ее похитил Тесей вместе с другом Персифоем, они бросили о ней жребий, она досталась Тесею. Потом спартанцы разрушили Афины и вернули Елену. Елена становится женой Менелая. Затем ее похитил Парис и увез в Трою. Из-за Елены разгорается Троянская война, гибнет множество героев. Но, кажется, Елена не испытывает никаких страданий по этому поводу. После смерти Париса она стала женой его брата – Деифоба.

Елена легко и в свое удовольствие пользуется красотой. Почему ей все сходит с рук? Гибнет столько народа, а она возвращается после падения Трои в Спарту и даже, по некоторым источникам, мирится с Менелаем. И почему все-таки троянцы не выдали Елену, а предпочитали терпеть из-за нее столько бедствий? Очевидно, дело было в ее красоте. Из всех женских качеств греки больше всего ценили красоту. Полноценной душой женщина не обладает, в женскую верность они не верили, а красота – это очевидная наличность. Старцы Трои, увидев впервые Елену на башне перед поединком Александра и Менелая, восклицают:

«Нет, осуждать невозможно, что Трои сыны и ахейцы
Брань за такую жену и беды столь долгие терпят:
Истинно! Вечным богам она красотой подобна!»
[6. С. 55].

Елена – идеальная женщина в представлении греков: кроме того, что прекрасна, она безвольна и во всем послушна воле мужчины и рока, ни в чем не проявляя своей свободы и независимости. О том, что она мать, все и вовсе забывают, а между тем у нее была дочь Гермона.

Ветхий Завет тоже замечает женскую красоту, ценит ее, сознает ее силу. Но женская красота не имеет такого абсолютного значения, как у греков. В Ветхом Завете не сложился тип женщины-соблазнительницы. Подлинными героинями Ветхого Завета становятся не те женщины, которые легко и в собственное удовольствие пользуются своими чарами и красотой, а те, кто ставит красоту на служение, как бы мы сейчас сказали, «гражданским и национальным интересам». Это царица Есфирь, спасшая свой народ от геноцида, и отважная красавица Юдифь, вступившая в единоборство с Олоферном. Эти женщины-светочи удостаиваются отдельных книг Ветхого Завета и благодарной памяти.

Есть героические женские образы и в греческой мифологии, о них мы уже упоминали: добровольно отдавшие себя в жертву Ифигения, Макария, самоотверженная Антигона. Но они явно находятся в тени блистательной Елены и не пользуются таким почитанием, как героические иудейки.

Для греков женская красота, как мы говорили уже, была превыше всего. Но поскольку красотой обладают далеко не все женщины, поэтому к идеалу красоты греки добавляют еще одно существенное качество – пользу. Уж коль скоро женщина – это неизбежное и несправимое зло, то с ним надо мириться, извлекая при этом максимальную пользу. Упоминаемый уже Семонид Аморгосский доброе слово находит только для «женщины-пчелы», которая ничем не досаждала мужчине, а своим трудолюбием приносит ему прибыль и

дарует потомство. Греки часто досаждают на то, что женщина очень много ест и тем самым быстро поглощает ресурсы, с трудом добываемые мужчиной. Поэтому следует искать экономную, скромную жену, которая будет сдерживать свой неумный аппетит.

Итак, красота и польза – мера, которой греки оценивали женщин. По Аристотелю, самыми ценными женскими качествами являются красота и рост, темперамент и трудолюбие [5. С. 169].

Утилитаризм в отношении к женщине промелькнет и в Ветхом Завете. В Притчах Соломоновых об идеальной женщине сказано: «Уверено в ней сердце мужа ее, и он не останется без прибитка» (Притчи, 31, 11), потому что женщина, как описывается далее, не покладая рук работает от зари до зари.

Сразу заметим, что Иисус Христос решительно осудил этот утилитарный взгляд на женщину, который засел даже в ней самой. Иисус Христос осуждает многозаботливость Марфы, ставя ей в пример Марию, которая сидела у ног Христа и самозабвенно слушала его слова (От Луки, 10).

Брак. Соединение мужчины и женщины в семье, согласно Библии, есть божественный замысел: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Бытие, 2, 24). Это наиболее выразительные и сильные слова, когда-либо сказанные о союзе между мужчиной и женщиной, утверждающие абсолютную нерасторжимость двух начал. Семья оценивается в иудаизме как священный институт, созданный Богом. Это возводит брак и семью на уровень некоего священнодействия, соработничества с Богом. Семейная жизнь рассматривается как религиозное служение, как реализация заповеди «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Бытие, 1, 28). Семейная жизнь облачается священным ореолом. Библейский брак предполагает пожизненную связь, симметрию – взаимную верность и любовь. Современная цивилизация восприняла именно такой идеал брака.

Совершенно иное представление о браке было в Древней Греции. Здесь основной смысл брака – сделать женщину своей законной супругой, чтобы она дала законных детей. Любовь верность (со стороны мужчины) не предполагается. Брак был договором между двумя мужчинами – отцом девушки и ее будущим зятем – о передаче ее под власть будущего мужа. Согласия девушки не требовалось. Но при повторном браке, когда по взаимному согласию она отправлялась в другой дом, ее мнение могло учитываться. Для крепкого брака требовалось хорошее приданое, которое следовало за женщиной при переходе ее из одного дома в другой [5. Гл. 4].

О том, сколь мало ценили брак некоторые греки, свидетельствует существование проблемы холостяков, которая становилась объектом законодательства для городских общин. Некоторые знаменитые греки предлагали вовсе отказаться от традиционной семьи. Платон в «Государстве» предлагал сделать общими всех жен и детей. С ним был согласен Диоген, который ни во что не ставил брак и публично демонстрировал внебрачные формы взаимоотношений с женщинами.

Наиболее подходящим для мужчины брачным возрастом считался возраст 30–45 лет. При этом в жены греки брали девочек-подростков, почти детей 11–

15 лет. Девочка, только-только расставшись с куклами, оказывалась в постели бородатого мужчины, годящегося ей в отцы. Разность потенциалов усугублялась еще и тем, что девочки и мальчики воспитывались по-разному. Мальчика воспитывали как гражданина, воина. Их обучение длилось с 7 и до 18 лет. Им преподавали музыку, поэзию, танцы, философию. Потом юноши служили в армии. Они накапливали знания, опыт. Девочки в школу не ходили, их обучали дома матери в основном домашним занятиям. В подобном браке трудно достигнуть гармонии.

Иудейка воспитывалась в атмосфере благоговейного отношения к браку. Вселенная иудейской женщины ветхозаветных времён вращается вокруг этого священного центра: замужество, семья, рождение детей.

Замужество было центральным событием в жизни женщины, дававшим ей признанный высокий статус жены, матери. Незамужняя женщина не интересует библейского рассказчика. Девичество – это как бы доисторический период в жизни женщины. Женщина появляется в Ветхом Завете или замужней или на пороге замужества, а вся жизнь до этого, видимо, считается малозначимой. Нам известен лишь один сюжет (за исключением трагической истории с незамужней дочерью Давида Фамарью), героиней которого стала незамужняя женщина. При этом Библия не запомнила (редкий случай!) ее имени, хотя речь идёт об иудейской Ифигении, дочери полководца Иеффая, добровольно согласившейся пожертвовать собой, дабы её отец не нарушил клятвы. Когда она узнала о своей судьбе, то отправилась на месяц в горы вместе со своими подругами оплакивать не свою молодую жизнь, но своё девичество и несостоявшееся замужество. Тяжела не сама смерть, тяжело умереть, не познав мужа и не оставив потомства. Так считают Библия и несчастная дочь Иеффая (Судей, 2).

Юная Ревекка согласилась отправиться в чужие далёкие края с незнакомцем по первому зову её будущего мужа (Бытие, 24).

Деторождение. Деторождение также было окружено священным ореолом. По словам В.В. Розанова, у древних евреев «пышнее, чем где-нибудь, душистее, деликатнее, тоньше, сложилось всё, что около рождения» [7. С. 45]. «Семя святое» (Ездры, 9, 2) – библейское выражение. Бесплодие признавалось позорным, греховным. Отсутствие детей переживалось женщиной как трагедия, крах её судьбы. Через тысячелетия дошёл до нас отчаянный вопль бесплодной Рахили, обращённый к мужу: «Дай мне детей, а если не так, то я умираю» (Бытие, 30, 1). И когда родился долгожданный первенец, у нее вырывается вздох облегчения: «снял Бог позор мой». С исключительным тщанием запечатлеваются сыновья и дочери в Библии. Особенно сыновья. Упоминаются и дети, рожденные от наложниц и слуг (у Иакова).

В жажде женщин продолжить род Библия всегда на их стороне. Она готова простить им самые тяжкие, вплоть до кровосмешения, грехи, если они совершены во имя продолжения человеческого рода. Красноречивый пример тому – история дочерей Лота. Библия не находит ни слова осуждения для двух девушек, решившихся после содомской катастрофы «восстановить

семья от отца своего» (Бытие, 19, 32). Более того, усилия девушек вознаграждены – они становятся родоначальницами двух народов.

С явным одобрением описывает Библия действия другой героини – овдовевшей Фамари, которая хитроумным способом залучает к себе свекра и зачинает от него.

Древние греки тоже были озабочены воспроизводством потомства. Дети – это помощники и кормильцы в старости. Нужны солдаты для защиты Эллады. Но в отношении к детям у греков бытовали жесткость и холодный утилитаризм. Родившийся ребенок принадлежал отцу, и если отец не признавал его по каким-либо причинам, ребенка выкидывали – уносили в специально отведенные для этого места, где его мог забрать любой желающий и сделать из него раба. Особенно нежелательны были девочки. Ситуация совершенно немыслимая для Ветхого Завета с его благоговением перед детородной функцией. Хотя дети иудея юридически тоже находились во власти отца и он мог их продать в рабство, в Ветхом Завете не зафиксировано применения такой нормы. Мы знаем лишь о продаже братьями в рабство Иосифа.

Любовь. Имела ли место в ветхозаветные времена романтическая любовь между супругами, которая сейчас является главной мотивацией брака? В этом смысле слово «любовь» в Ветхом Завете употребляется очень редко. Отношения образцовой пары – Сары и Авраама Библия не характеризует словом «любовь». Но то, что между ними была любовь, а не просто привязанность, очевидно. Авраам во всем слушается Сару. Сара не рожала ему детей до старости, он мог взять другую жену по закону, но он этого не делал и лишь после смерти ее женился на Хеттуру. Он «рыдал и плакал» по Саре после ее смерти. Были у него и наложницы, но о них упоминается тоже только после смерти Сары.

Впервые слово «любовь» употреблено применительно к взаимоотношениям между Исааком и Ревеккой. До этого эпизода слово «любовь» не возникало, мужчина и женщина соединялись друг с другом, образуя семью. Этот эпизод – одно из самых лирических мест в Библии. «И ввел ее Исаак в шатер матери своей; и взял Ревекку, и она сделалась его женой, и он возлюбил ее, и утешился Исаак в тоске по матери своей» (Бытие, 24, 67). Любовь к женщине окрашивается тоской по ушедшей матери. При этом мы не знаем, любила ли Ревекка Исаака. Есть еще одно очень трогательное место в Библии: встреча Иакова с Рахилью: он поцеловал ее и заплакал (Бытие, 29, 11). Здесь тоже не употребляется слово «любовь», но то, как передана встреча, обнаруживает крайнее душевное волнение и переживание. Библия повествует о самоотверженной любви Иакова к Рахили: 14 лет он служил своему тестю за Рахиль.

Однако мы не знаем, любили ли иудейки своих мужей. Иудейка никогда не говорит о своём чувстве любви. В Ветхом Завете речь идёт лишь о любви мужчины к женщине. Это и понятно, ведь от женщины не требовалось согласия на брак, никто не спрашивал её о чувствах, питаемых к будущему мужу [8. С. 47]. Исключение составляет только Ревекка, которую спросили, пойдет ли она замуж за Исаака. Но это случай особый, исключительный, ведь Ревекка должна была надолго, может быть, навсегда расстаться с родными, уйти в другую землю.

Лишь царская дочь Мелхола открыто говорит о своей любви к Давиду (1-я Царств, 18, 20).

Мужчина мог не только выбирать жену, но и настаивать на своём выборе даже против воли своих родителей. Так, Исав взял себе в жёны иноплеменниц, нелюбимых Ревеккой «дочерей хеттейских» (Бытие, 26, 35). Самсон, невзирая на протесты родителей, решил жениться на филистимлянке (Судей, 14).

Довольно откровенные взаимные признания влюблённых встречаются в Песне песней. Правда, в трактовке этого произведения пока еще нет определенности.

О любви греческой женщины в супружестве мы почти ничего не знаем. Но точно известно, что мужчина в браке любви не искал. Ему, как уже говорилось, нужны были законные наследники. Широко известны слова Демосфена о том, что каждый уважающий себя грек имеет трех женщин: жену для продолжения рода, рабыню для чувственных утех и гетеру для душевного комфорта. Мы уже упоминали о том, что собой являл греческий брак.

Ситуацию усложняла склонность древних греков к содомитскому греху. Любовь к женщине признавалась любовью второго сорта. В «Пире» Платона указывается, что связям с женщиной покровительствует низшая богиня – Афродита простонародная (Пандемос), а связям педерастическим – высшая, небесная богиня – Афродита Урания [1. С. 89–90]. Грекам в голову не приходило, что возможна духовная близость между мужчиной и женщиной. Любовь к мужчине (мальчику) считалась чувством утонченным, аристократическим. Афинский правитель Солон издал даже специальный закон, запрещающий рабам – низшим существам – практиковать гомосексуальные связи [5. С. 100]. Таким образом, женам часто приходилось быть на вторых и третьих ролях в чувственных предпочтениях мужчин.

Счастливое супружество. Все выше сказанное делает довольно простым ответ на вопрос: насколько счастливы были иудейские и древнегреческие семьи.

В Ветхом Завете мы не встретим то, что называется «несчастливая семья». Конфликты внутри семьи происходят не по горизонтали «муж – жена», а по вертикали «отцы – дети». Вспоминается изгнание Агари и Измаила, но это и сделано было как раз ради супружеского мира. Ревекка вопреки воле мужа обманным путем передала первородство Иакову. Иаков вынужден был бежать, а супружеский мир сохранился. Иакова обманули, вместо любимой Рахили, отдали в жены нелюбимую Лию, но это не привело к какому-то серьезному конфликту. Соперничество в плодовитости между сестрами хотя и связано с этим обстоятельством, но не привело к разрыву или ссоре, а послужило на благо всей семьи, приобретшей многочисленное потомство. Библейский рассказчик сообщает, что Иаков перестал ходить к Лии. Но та не встала в позу обиженной, а хитростью заманила Иакова на супружеское ложе.

Никогда еврейская женщина не высказывает непочтения к мужу. В Библии мы обнаружили только одно свидетельство непочтительного отношения жены к мужу – это эпизод с Мелхолой. Царская дочь и жена Давида позволила себе не просто пренебрежительные интонации, но наглое поведение. Она пеняла Давиду за чрезмерное самоуничижение перед Богом. Бог наказыв-

ает ее за непочтительное отношение к мужу. После ссоры «у Мелхолой, дочери Сауловой, не было детей до дня смерти ее» (2-я Царств, 6, 23). И потом в жизнь Давида входит Вирсавия.

Иудейские жёны отличаются исключительной верностью. Ветхий Завет не знает историй о неверных жёнах, о предательстве супруги (история с Вирсавией – особая). Девушка была готова прожить век с человеком, которому вручала её судьба, и цена этой готовности была не ниже, чем цена любви.

Хотя формально развод был разрешен и инициатива развода принадлежала мужчинам, они исключительно редко оставляли своих жен. Такой случай в ветхозаветной истории не упоминается. Это говорит об исключительной крепости семьи ветхозаветных времен.

Очень красноречивый ответ на вопрос, счастливы ли были в супружестве греки, дают нам мифы. В них сразу обращает на себя внимание трагизм в отношениях между мужчиной и женщиной. Там нет счастливых гармоничных семей или счастливых пар, как на Олимпе, среди богов (Зевс и Гера, Афродита и Арес), так и на земле, среди людей. «И жили они долго и счастливо» – это не про эллинскую семью.

Любовь и гармония поселяются в греческой семье ненадолго. Мимолетным было счастье прекрасной супружеской пары Орфея и Эвридики. Миф о Кефале и Прокриде как будто бы нарочно «сочинен» в доказательство невозможности супружеской верности. Первоначально Кефал и Прокрида – это идеальная красивая влюбленная пара. Но Кефал хочет испытать супружескую верность жены. Он добивается того, что эта верность дает трещину. Но потом, когда Кефал простил свою жену за «шаткость» и они долгое время жили счастливо, случилась беда: Кефал случайно убивает свою жену на охоте [9. С. 137]. Великие герои мифов не находят счастья ни в браке, ни в любви. Трагично заканчивается брак Геракла и Деяниры. Погибла жена героя Тесея. Ужасно сложилась семейная жизнь Ясона и Медеи. Умирает от руки неверной жены Клитемнестры великий герой Трои Агамемнон. Та убила мужа и его наложницу. Жительницы острова Лемнос убили всех своих мужей за измены. Сорок дочерей Даная убивают своих нелюбимых мужей после свадьбы. Герои побеждают врагов и чудовищ, а героев побеждают женщины. Мы видим целую череду кровавых, зловещих женских образов, которые расправляются со своими мужьями и даже детьми. Заметим, что в Ветхом Завете встречаются только три отрицательных персонажа: это упоминавшаяся уже Гофолия, Иезавель, мать царя Израильского Иорама, служившая Ваалу, и Далила, которая, пользуясь любовью и доверием Самсона, за деньги предала его в руки филистимлян (Судей, 16). А в Новом Завете из «плохих» женщин мы и вовсе встречаем только одну Иродиаду.

Зададимся вопросом, является ли эта мифологическая ситуация отражением реальности? Можно предположить, что в какой-то степени да. Из-за вышеизложенных обстоятельств в греческой культуре, как представляется, был затруднен открытый диалог между мужчиной и женщиной. Мы слышим постоянно лишь голос мужчин. А невозможность диалога чревата непониманием и жестокими конфликтами. Мифы дают от-

вет на то, как чувствовала себя женщина в гинекее – в ней зрели протест и бунт.

Вопрос об идентичности реальности мифа и конкретной истории в отношении женщин интересовал и французского историка П. Брюле. Он пришел к выводу, что женщины гомеровских поэм «в достаточной мере иллюстрируют реальных греческих женщин [5. С. 81]. Правда, он не замечает зловещих черт некоторых колоритных женских персонажей мифа.

Истины ради все же отметим, что в «Одиссее» мелькает, именно мелькает, идеальная супружеская пара: это родители царевны Навсикаи – феакийский царь Алкиной и его супруга Арета. Добродетельную Арету любят дети и царь, а феакийцы видят в ней свое божество [10. С. 67].

И все-таки в греческом мифе есть пара, в какой-то мере воплотившая христианский идеал жертвенной любви и супружества, – это Пенелопа и Одиссей. Их семейную жизнь тоже не назовешь счастливой. 20 лет они в разлуке. Но 20 лет Пенелопа ждет мужа с верой, надеждой и любовью. И Одиссей ради нее отказывается от самой высокой награды, которую может обрести смертный человек: нимфа Калипсо предложила ему бессмертие, жизнь с богами. Но он предпочел этому возвращение на родину к своей жене, семье [10. С. 52–60].

Итак, в Древней Греции не сложились гармонические отношения между мужчиной и женщиной. Мужской дух соперничества вытеснил женщину за рамки общественной жизни, на ее периферию, превратив женщину в затворницу гинекея. Греки нарушили симметрию полов и не смогли достичь равновесия в отношениях между ними. Неравенство, соперничество между мужчиной и женщиной пагубно сказалось для обеих сторон.

Хотя в иудейской культуре женщина не стояла вровень с мужчиной, эта культура преодолела утилитарный взгляд на женщину, не допускала ее приниженого положения, была полна уважения к ней как к матери и супруге. Иудейская культура подготовила появление величайшей женщины – Богородицы. Праматерь Сара явилась предтечей Богородицы. Сара стала прародительницей богоизбранного народа, Богородица, вышедшая из этого народа – матерью Бога.

Женщины Нового Завета. В Новом Завете мы встречаемся с совершенно новым отношением к женщине. Здесь нет каких-то пространных рассуждений о них. Отношение Иисуса к женщине раскрывается через отдельные эпизоды, реплики и раскрывается ярко. Никто до Христа не поднимал женщину на такую высоту. Он показал образец возвышенного, чистейшего отношения к ней.

Уже говорилось, что Христос отринул утилитарное отношение к женщине и сделал ее равной с мужчиной «сонаследницей благодати». Он вывел женщину из-под власти мужчины и поставил её один на один перед Богом. Ситуация, в которой муж, отец признаёт «недействительными» обеты женщины, данные ей Богу, немаловажно для Нового Завета. Уравнивая мужчину и женщину перед Богом, Христос уравнивал их одновременно между собой. Он восстановил абсолютное равенство, задуманное и провозглашенное Богом и замутненное, искаженное в исторических временах.

Христос настолько уважительно относился к женщинам, что ученики порой ревновали его. В апокрифи-

ческом евангелии от Фомы происходит разговор между Иисусом и его учениками относительно способности женщины обрести жизнь (очевидно, вечную). Когда Пётр потребовал, чтобы их оставила женщина под тем предлогом, что «женщины недостойны жизни», Христос ответил: «Смотрите, я направлю её, дабы сделать женщиной, чтобы она также стала духом живым, подобно вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет женщиной, войдёт в царство небесное» [11. С. 170]. Вероятно, в данном случае речь идёт не о телесном превращении женщины в мужчину, но об уподоблении её по духу мужчине. Таким образом, по возможности духовного роста женщина признаётся Христом равной с женщиной. Никакой дискриминации женщины в отношении веры, спасения нет.

Любовь Иисуса Христа к Марии, сестре Лазаря, была столь сильной, что даже вызвала ревность его учеников. Согласно тому же Евангелию от Фомы ученики упрекали Спасителя в том, что он любит её более других, на что Иисус ответил им вопросом: «Почему не люблю и вас, как её?» [11. С. 177]. Как представляется, в этом вопросе-ответе намёк на то, что Мария лучше учеников и достойна большей любви.

Многие безвестные женщины становятся почитательницами, просительницами Христа. Он восхищается их верой (а апостолов нередко упрекает в маловерии), они на равных вступают с ним в беседу, даже могут его убеждать в своей правоте, подобно безымянной сиропфинкианке, убедившей Иисуса в необходимости помогать иноплеменникам: «и псы под столом едят крохи у детей» (от Матфея, 7, 28).

Можно предположить, что женщины раньше получили благодатные дары веры. Ведь после ареста Христа все мужчины разбежались. Верными Христу остались 16-летний Иоанн, по сути мальчик, и женщины. Не таясь, жены-мироносицы первыми пришли к гробу Господню. Согласно Евангелию от Иоанна воскресший Иисус первой является женщине – Марии Магдалине (от Иоанна, 20). Они первые показывают пример жертвенного служения Христу. Это потом мужчины будут себя вести так, как женщины в первые дни после смерти Христа.

В Новом Завете появляются новые героини: безымянные женщины, вдовы, иноплеменницы, блудницы, нередко, как бы мы сейчас сказали, социально дезадаптированные, обездоленные женщины. Они чаще всего выступают вне родовых и семейных связей. Христос, несмотря на возмущение окружающих, уважительно относится к падшим женщинам. Он чувствует их психологию, дает возможность покаяться, не отталкивает их от себя, даже когда его окружение ропщет (от Иоанна, 12).

Христианская семья. Иисус Христос подтвердил божественный замысел о семье, повторив ветхозаветное высказывание: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть» (от Марка, 7–8, 10). Цель христианского брака – воплощение христианской любви, и человек в нем реализует себя в своем жертвенном служении.

Вместе с тем в Новом Завете прозвучали шокирующие слова Христа: «Ибо я пришел разделить человека с

отцом его и мать с дочерью ее... И враги человеку – домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (от Матфея, 10, 35–37). Заметим, что во всех этих расчленениях речь идет о родственных связях, но не о супружеских. Любовь к родственникам не должна затмевать любви к ближнему. Служение только семье, детям, служение через выполнение функции матери и жены уже недостаточно. Для спасения надо послужить Христу. Любовь, которая распространяется только на твоих домочадцев, – это не евангельский идеал. И в этом смысле надо понимать парадоксальные заявления Христа. Следовало разорвать узость иудейского понимания о том, кто твой ближний. Христу надо было «надрезать» родовую спайку, чтобы приживить к душе образ Царства Божьего. Если Ветхий Завет пронизан духом семени, семьи, то, по выражению В.В. Розанова, «безбрачие – сердце христианства» [12. С. 462]. Со страниц Нового Завета не веет теплом домашнего очага. Иисус говорил: оставьте жену ради меня [13]. Нет ничего более значимого в мире, чем служение Богу.

Вместе с тем, обрета равные с мужчиной права в духовной сфере, женщины Нового Завета лишились значительной доли своего женского очарования. Ветхий Завет замечал женскую красоту, высказывал своё восхищение ею, признавал её ценность и силу. В Новом Завете нет красавиц. Женская красота не обращает на себя внимание евангелистов. А Петр в своем первом послании сбивает всякую цену внешней физической женской красоте, ставя выше нее красоту нетленную: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, ни золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом» (1-е Петра, 3, 3–4)

В апостольской традиции очень настойчиво звучит мотив повиновения жены мужу (у Христа этот мотив отсутствует). Апостолы объясняют это требование не тем, что жены хуже, ущербнее, а тем, что взаимоотношения между мужчиной и женщиной отражают небесную иерархию. Павел говорил женам: подчиняйтесь мужу, как Господу, потому что и Церковь подчиняется Христу, как своему главе (к Ефессянам, 5). Это повиновения не раба, вытекающее из насилия, а повиновение любящего объекту своей любви. В подчинении женщины мужчине проявляется особый род ее служения – жертвенность.

Женщина, благодаря Христу, оторвала свой взор от внутренней семейной жизни и обратила его на небо. Кроме семейного служения, она теперь имела обязанность в полной мере, без присмотра мужчины осуществлять служение духовное. Новый Завет, уравнивший по духу мужчину и женщину, генерировал женский образ невиданной прежде силы, чистоты и величия – образ Богородицы.

Судьба иудеев и судьба греков – это прямое назидание нам. Великая цивилизация, имевшая прекрасное искусство, отлаженную государственность, военную мощь, но плохо относившаяся к женщинам, погибла. А культура и создавший ее маленький гонимый и истребляемый народ выжил, даже потеряв родину, государственность, возможность защищаться с оружием в руках. Выжил народ, который придерживался заповеди «плодитесь и размножайтесь», считал свое семейное священным и понимал семью как единство и нерасторжимость двух равнозначных начал. Мы не склонны делать прямолинейный вывод о том, что плохое отношение к женщинам губит цивилизации, но, как представляется, оно не лучшим образом сказывается на качестве семейных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон Пир // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1993. Т. 2.
2. Платон. Законы // Платон. Государство. Законы. Политик. М., 1998.
3. Аристотель Политика. Аристотель Собрание сочинений: В 4 т. М., 1984. Т. 4.
4. Семонид Аморгосский // Античная лирика. М., 2001.
5. Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005.
6. Гомер. Илиада. М., 1985.
7. Розанов В.В. Библейская поэзия // Розанов В.В. Уединённое. М., 1996.
8. Косидовский З. Библейские сказания. М., 1969.
9. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1955.
10. Гомер. Одиссея. М., 1986.
11. Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма. М., 1979.
12. Розанов В.В. Религия и культура // Розанов В.В. Соч: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
13. Библия. Кемерово, 1991.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 16 марта 2009 г.